

Трехпостасное лицо — точнее, три лица *Люцифера*. Три устойчивых цвета, приколотенные к этой трилкой роже навечно: *красное, бело-желтое, неопределенное* (по-видимому, близкое к *черному*). На память приходит трехцветная судьба философского камня, изобретенного алхимиком. Здесь *Данте* изобретатель вдвойне. Цветовые переходы исключены. Цвета дискретны, непереходящи друг в друга. О *свете* и говорить нечего! Каждый цвет — знак прямо противоположного тому, что за ним закреплено в традиции. Но все-таки еще знак. Не потому ли это уже в некотором роде алхимические символы?! И все же одно отличие: если алхимический медиатор богоподобен, то алхимический образ у *Данте* дьяволоподобен. Он и есть дьявол. Отличие — в нравственной направленности. Искривлённое изображение кривого бога есть дьявол.

Алхимик — конструктор цветовой символической пары. Человек средневековья (отчасти и *Данте*) — участник-комментатор подвижной, пластической пары иного рода, свободной от алхимического символизма. *Аббат Сугерий*: «Мы приобретаем... драгоценную чашу, сделанную из одного куса сардоникса, в котором красный цвет присваивает себе цвет (свет? — В. Р.) другого» (Грановский, 1866, с. 78, 79).

Итак:

Имеющий очи — да слышит!

Имеющий уши — да зрит!

Алхимик-еретик тайно подослан в келью послушливого христианина, дабы выправить столь странное для наших нормальных глаз и ушей положение. Он призван из цвета сделать краску, а слово представить бесплотным тусклым звуком. Но все это, кажется, уже знал и умел античный Мастер. Но все это (хотя и по-другому) еще будет уметь и знать Мастер нового времени — живописец, физико-химик, технолог, музыкант и их несметные потребители. Люди с нормальным слухом и нормальным зрением. Но пока об этом никто не знает и ничего такого не умеет.

Средневековый алхимик — посредине. Почти пародийный алхимический ух о — глаз своим полуторатысячелетним существованием повергает в inferнальный ужас чуткое зрение и пронизательный слух официального средневековья, размагничывая, расшатывая его; но зато предустанавливая и указуя путь в новые века.

Всеслышащему оку христианской души только предстоит — не без алхимического искусства — обрести нормальную глухую зрячесть научно устроенной сетчатки новоевропейского глаза.

Когда я говорил об отношении цвета к свету в контексте собственно средневекового — неалхимического — мышления, я намекал на меру, степень, интенсивность. Эта количественная характеристика причастности вещи к метафизическому дана в средневековом сознании в виде магических чисел, сплетенных с цветовой гаммой. Алхимические тексты схватывают и это обстоятельство куда выразительней текстов неалхимического средневековья. Алхимик пародирует число, устраивая-разрушая.